

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. В. Жигалко

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИНВЕРТИРОВАННОЙ ОЦЕНКОЙ
В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ

В статье анализируются высказывания с инвертированной оценкой, реализуемые в речевом конфликтном взаимодействии. Выделены виды инвертированных оценок по объекту и оценочному знаку, а также их роль в развитии конфликта. Показано, что использование оценочной инверсии зависит от множества экстралингвистических факторов и может как спровоцировать возникновение конфликта либо усилить назревшее противоречие, так и придать конфликтному взаимодействию меньшую интенсивность либо полностью его нейтрализовать.

Ситуации конфликта связаны, как правило, с отрицательными эмоциональными переживаниями и характеризуются высокой степенью негативной оценочности (см., например, работы [1; 2; 3; 4; 5]). Помимо конструкций с явно негативнооценочной семантикой, участники конфликтного взаимодействия зачастую прибегают к более утонченным, в том числе имплицитным, способам дискредитации оппонента, в частности к оценочной инверсии.

Семантическая инверсия при оценке, согласно Е. М. Вольф, строится на противоположности высказываемого и реального смыслов. Вследствие этого, например, языковые единицы, сами по себе имеющие знак «+», «входят в речевые акты осуждения, негодования и др.» [6, с. 181]. И напротив, негативно маркированные языковые единицы могут включаться в речевые акты одобрения, похвалы и т.п. Оценка с инвертированным знаком, таким образом, выявляется только на основе контекста, исключающего возможность буквального понимания сказанного. Соответственно и о роли негативнооценочных конструкций в развитии конфликта можно судить при условии учета всех факторов ситуативно-прагматического контекста, ср., например, следующий фрагмент:

(1) – *Когда ты чистил дорожки, я стояла у окна и думала, как мне затащить тебя в постель, – мрачно и твердо заявила она. – Я не умею этого делать. Я не знаю как. Я умру от стыда, если ты не согласишься <...>*

– *Я соглашусь.*

Лиза на секунду онемела.

– *Что?*

– *Дура, – сказал он с такой нежностью, что она вдруг чуть не заревела. –*

Второй такой дуры свет не видел. Ей-богу.

И обнял ее, прижал к себе... (Т. Устинова. «Олигарх с Большой Медведицы»).

Очевидно, что лексема *дура* включает в свою семантическую структуру негативнооценочный компонент, что позволяет интерпретировать высказывания, в которых она входит, как классические конфликтогены; между тем

в рассматриваемом контексте его употребление (даже неоднократное и к тому же сопровождаемое интенсификацией) не только не является конфликто-геном, но и приводит к полной гармонизации эмоционального фона речевого взаимодействия.

Поставив перед собой задачу выявить основные тенденции функционирования подобных оценочных конструкций в речевом конфликте, мы отобрали из современных произведений русской и немецкой художественной литературы 47 фрагментов конфликтного речевого взаимодействия, включающих 80 случаев оценки с инвертированным знаком. Как показал наш анализ, высказывания с инвертированной оценкой, весьма разнообразны и могут быть классифицированы с учетом ряда характеристик – в первую очередь типа объекта инвертированной оценки и ее знака.

1. Объект инвертированной оценки.

В качестве объекта инвертированной оценки в речевом конфликте выступает, как правило, адресат.

(2) – *Слушай, ты, умный!* – со злостью сказал Юрка. – *Раз ты такой благодородный, может быть, тебе противно жить в нашем доме?*

– *А я не у тебя живу,* – сказал Коля. – *Вот придет отец, и уеду* (В. Железников. «Последний парад»).

Важно учитывать, что оценке может подлежать не только сам объект, но и все то, что входит в его «личную сферу», т.е. то, «что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально – некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы...» [7, с. 28] и т.п.; ср. контекст, где говорящий, заметив старое, выдавшее виды платье своей собеседницы, использует оценочное высказывание с инвертированным знаком, представляющее собой издевательский антикомплимент:

(3) *Dann schwebt sie rüber zu ihrer Erzfeindin Susanna, die gerade brav die leeren Weingläser einsammelt. Dort angekommen, meint sie für alle gut hörbar: „Susanna! Dein Samtkleid ist der Hammer! Der Hammer!“* (A. Hennig von Lange. «Leute, mein Herz glüht»).

Значительно реже в речевом конфликте представлены высказывания, в которых объектом оценки с инвертированным знаком является сам говорящий:

(4) – *Куда вы пошли?*

– *В номер Исмаилова.*

– *Зачем?*

– *Затем.*

Повисло недоброе молчание. Наконец следователь улыбнулся.

– *Анастасия Павловна, как мне расценивать ваш ответ? Как информацию или как дерзость?*

– *Как информацию. Считайте, что у меня бедный словарный запас* (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Наконец, спорадический характер носят высказывания, в которых объектом инвертированной оценки является третье лицо:

(5) *Jetzt war die Oma erschöpft und die Amtsrätin konnte sie unterbrechen. „Na schön“, sagte sie. „Sie mögen ja Recht haben. Nach Scheidungen gibt es mit den Kindern immer Schwierigkeiten, aber das ist doch kein Grund, dass man viele Jahre später mit dem Bruder eines Wirts davonläuft!“ „Sie hat einen gesucht, der sie wirklich gern hat“, sagte die Oma. „So ist das!“*

„Na, da hat sie sich ja den Richtigen ausgesucht!“, rief die Amtsrätin (С. Nöstlinger. «Ilse Janda, 14 oder die Ilse ist weg»).

Особый случай представляет собой сравнительная инвертированная оценка, объектом которой в речевом конфликте, как правило, выступают сам говорящий и третье лицо:

(6) *Зоя Михайловна. Помолчи, бессовестный. Не нашел другого дня для своих намеков. Весь город его сегодня чествует, одному тебе наплевать. Взгляни, сколько писем, телеграмм, поздравлений. Ты думаешь, все эти люди глупее тебя?*

Борис. Умнее, мамочка, разве я спорю (А. В. Вампилов. «Рафаэль»).

2. Оценочный знак (позитивная либо негативная оценка)

В речевом конфликте инвертированная оценка, как правило, представлена нерелексивными позитивнооценочными высказываниями, за которыми скрывается имплицитная отрицательная оценка. Таким образом, формально соблюдая принцип вежливости, говорящий нарушает его на глубинном уровне [8, л. 154]. Ср. следующий фрагмент:

(7) – *Отмечаешь что-то?* – *миролюбиво спросила она, присаживаясь за стол напротив мужа.*

Хохол с каким-то даже вызовом приложился к горлышку бутылки и опорожнил ее до дна.

– *Молодец, дорогой. Красиво бухаешь.*

– *Молчи лучше, – предостерегающе произнес Женька абсолютно трезвым голосом, – не доводи до греха* (М. Крамер. «Визит с того света, или деньги решают не все»).

Напротив, в конфликтной ситуации говорящий иногда обращается к «притворной грубости», за внешне критическим, невежливым характером которой скрывается одобрение и дружелюбие [9, л. 100]. Коммуникант, «примеряя ироническую маску грубияна», стремится свести происходящее к шутке и тем самым нейтрализовать возникшее эмоциональное напряжение. Ср. контекст, где уставшая героиня, поздно возвращаясь домой с работы с тяжелыми сумками, застаёт у подъезда ожидающего ее возлюбленного, который перепутал дни свидания:

(8) *Когда Настя поравнялась со скамейкой, парень оторвался от книжки и принялся судорожно собирать пакеты.*

– *Аська, ну что же ты, в самом деле... Мы же договорились с тобой устроить праздник. Ты сама сказала, чтобы я пришел к шести, а уже почти восемь...*

– *Чучело*, – беззлобно сказала Настя. – Эти шесть часов были в пятницу, а сегодня понедельник. Я в пятницу тебя весь вечер прождала. – Она вошла и подъезд, придерживав дверь для нагруженного сумками рыжего (А. Б. Маринина. «Стечение обстоятельств»).

Любопытно, что данный прием может использоваться собеседниками как своеобразный вариант языковой игры, причем игра такого типа способна породить специфические коммуникативные ситуации псевдоконфликта, который формально включает характерные для конфликта языковые и речевые маркеры, однако таковым по сути не является, поскольку ни один из собеседников на самом деле не совершает действий, направленных против интересов партнера по коммуникации. Характер подобных коммуникативных эпизодов позволяет утверждать, что инвертированным оценочным знаком могут обладать не только отдельные оценочные лексемы или оценочные высказывания, но и целые коммуникативные ситуации, ср. следующий выразительный контекст, в котором за поверхностным конфликтным речевым поведением (формально довольно жестким и даже оскорбительным) скрывается глубинное объяснение в любви:

(9) *Едут он и она, негромкими голосами терзая друг друга.*

– *Я тебя спрашиваю: кто тебе звонил? Кто он?*

– **Скотина.** *Ты залез в мой мобильник.*

– *Да, я залез в твой мобильник. Ты мне скажешь, кто он, иначе все кончено.*

– *Оставь меня в покое. С кем хочу, с тем и говорю.*

– *Мы должны развестись.*

– *Да ради бога. Брось меня <...>*

– *Я хочу тишины и покоя.*

– *Тогда скажи, кто тебе звонил, и мы немедленно разведемся, и будет тебе покой.*

– *Я ничего тебе говорить не обязана.*

– **Ты дрянь. Ты гадина.**

– *Брось меня и найди другую.*

Что-то не так в их разговоре, напряженном, медленном, мучительном. Что-то не то с интонацией. Я оборачиваюсь, чтобы украдкой посмотреть на них: ну конечно. Молодые и прекрасные, они полулежат на неудобных сапсановских креслах обнявшись, переплетя руки, переплетя ноги, глаза в глаза. Боже, какая любовь! Запертые в волшебной капсуле, куда никому нет хода, они упиваются звуками голосов друг друга (Т. Н. Толстая. «За проезд!»).

3. Модели развития конфликтного взаимодействия.

В случае использования говорящим положительной оценки с целью дискредитации собеседника возможны различные варианты реакции партнера по коммуникации.

Реакция адресата зависит в первую очередь от того, насколько верно он интерпретирует коммуникативный смысл высказывания партнера. Если ирония не «считывается» слушателем, т.е. возникает ситуация коммуника-

тивной неудачи, то это не провоцирует возникновения конфликта. Ср. фрагмент, где колкость говорящего адресат воспринимает буквально и интерпретирует как комплимент:

(10) *Auch jetzt nutzt sie die Gunst der Stunde, um folgende Info loszuwerden: „Weißt du schon, dass ich gestern Abend beim Bürgermeister eingeladen war, um ihm zum sechzigsten Geburtstag ein Ständchen zu spielen?“*

*Nein, das wusste ich nicht. Dafür hat Wonder-Alice allerdings Segelohren und noch nie einen Freund gehabt – soweit ich mich entsinnen kann. Ich klopfe ihr kräftig auf die Schulter und rufe: „**Gratuliere, Alice! Super gemacht.**“*

Und sie macht gleich so eine komische Verrenkung. „Lass das, Lelle!“ (A. Hennig von Lange. «Leute, mein Herz glüht»).

Если партнер по коммуникации считывает импликатуру, т.е. верно интерпретирует намерение говорящего, то возможны следующие пути развития конфликта.

1. Адресат остро реагирует на негативную оценку, в силу чего конфликт интенсифицируется:

(11) *Гена. Не так. Это ты, Юра, обо всем пожалеешь. И очень сильно. Я тебе все припомню. И Кольку в том числе.*

*Юра. Эх ты, про Кольку вспомнила? **Молодец, уважаю.***

Гена. Вспомнила. Я его каждый день, Юра, вспоминаю. Он мне простит. А вот ты за все получишь, по полной получишь.

*Юра. **Здорово ты все на меня перевела.** Знаешь, что? Вали отсюда.*

Гена. Да уж не останусь (В. Е. Дурненков. «Экспонаты»).

2. Адресат принимает правила игры, отзеркаливая позитивнооценочные действия партнера по коммуникации. В таком случае коммуникативная ситуация развивается по конфликтной модели, но имеет невысокую степень интенсивности. Ср. следующий контекст:

(12) – ***Сто лет мечтал тебя увидеть!***

– ***Мечты сбываются, дорогой, ты не знал?** – проглотила обиду ведьма.*

– ***Некоторым мечтам лучше бы так и остаться неисполненными,** – буркнул он, – ну, не стой, проходи, раз уж нет возможности обратно тебя отправить.*

– ***Гостеприимный ты, Джек!** – фыркнула Ветка, сбрасывая шубку. – **Ничего, потерпи, я ненадолго.***

– ***Надеюсь!** – бросил Хохол, помогая Марине стянуть сапоги.*

Коваль легонько стукнула его по спине, но он только мотнул головой и сразу ушел в спальню, сославшись на недомогание (М. Крамер. «Визит с того света, или деньги решают не все»).

Что касается использования приема «притворной грубости», то он призван сблизить собеседников, и при успешной реализации данного приема собеседникам, как правило, удается предотвратить возникновение или развитие конфликта (см. контекст 1). Важно подчеркнуть, что участники конфликта прибегают к данному приему довольно редко. На наш взгляд, это связано с тем, что сам факт употребления негативнооценочной лексемы

может спровоцировать дальнейшее развитие ситуации по модели интенсификации конфликта, т.е. адресат может среагировать не столько на имплицитное содержание высказывания, сколько на его форму, иными словами, не на коммуникативное намерение (даже верно интерпретируемое), а на конфликтный потенциал негативнооценочного слова. Ср. следующий контекст, где говорящий хорошо осознает обе возможности и именно поэтому избегает повторного употребления негативнооценочной лексики:

(13) – *Я думал, ты больше никогда не позвонишь*, – сказал Паша.

– *Дурак*, – усмехнулась Марина.

– *Что?* – не расслышал Паша.

Повторить было уже невозможно, потому что тот первый «дурак» и повторенный имели разные оттенки. В первом случае это звучало как «милый», а во втором – «ты глуп».

– *Ничего*, – сказала Марина. – *Купи хлеба* (В. С. Токарева. «Паша и Павлуша»).

Особую роль в конфликте играет рефлексивная негативная оценка, т.е. самооценка с инвертированным знаком. Формально оценка данного типа, будучи направленной на самого говорящего, призвана нейтрализовать конфликт. Но, изменив в контексте свой знак, подобные самооценочные высказывания используются не с целью самоуничтожения, признания вины и т.п., а с целью обвинить собеседника в некорректном речевом поведении. Такая метаморфоза возможна в силу того, что негативнооценочные высказывания данного типа меняют не только знак, но и субъект оценки, ср. следующий фрагмент, в котором ироничное использование самооценочного клише *Где уж мне, дура набитой!* означает нечто вроде ‘ты напрасно считаешь меня душой’:

(14) *На перемене подошла к Виктору:*

– *И где это Андрей?*

– *Понятия не имею <...> Думаешь, нам легко смотреть как... Ай, все равно не поймешь!*

– *Где уж мне, дура набитой!* (В. Чуйкова. «Дура. История любви, или кому нужна верность»).

Подобные высказывания в силу их скрытого конфликтогенного характера не способны нейтрализовать конфликт и, как правило, провоцируют его продолжение или даже обострение.

Что же касается рефлексивных позитивнооценочных высказываний с инвертированной оценкой, то в целом для конфликтов они не характерны. Единичные примеры отражают их использование в качестве реакции на позитивную оценку собеседника, которой адресат не верит и, возможно, рассматривает как средство манипуляции, ср.:

(15) – *Вы изящно и оригинально дали мне понять, чтобы я от вас отстал, оставаясь при этом предельно вежливой. Bravo! Обычно девушки либо врут, что их столик занят, хотя сидят целый вечер одни, либо откровенно грубят. Анастасия Павловна, вы неповторимы. Так вы категорически отказываетесь со мной знакомиться?*

– А зачем? – Настя пожала плечами. – Вы и так достаточно обо мне знаете: имя, отчество и даже то, что **я оригинальна и неповторима**. Вы хотите узнать что-нибудь еще? (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Показательно, что, в силу недостижения перлокутивного эффекта (собеседник продолжает делать назойливые и раздражающие комплименты), героиня меняет тактику и переходит от использования позитивных самооценочных высказываний с инвертированной оценкой к эксплицитным самооценочным высказываниям негативного характера:

– Молодой человек, у меня есть глаза, а человечество, спасибо ему за это, изобрело зеркало. Таким образом, у меня есть возможность видеть и вас, и себя. Вы молоды, красивы, полны сил. **Я старше вас, у меня слабое здоровье, а самое главное – я абсолютно не обладаю женской привлекательностью. И одета я более чем скромно. Испытывать интерес ко мне как к женщине вы не можете ни при каких условиях, это бесспорно...** (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Очевидно, что в данном случае естественнее предположить бóльшую вероятность развития конфликта, чем его нейтрализации.

Таким образом, анализ функционирования в ситуациях речевого конфликта оценки с инвертированным знаком позволяет сделать следующие выводы.

1. Тенденции функционирования оценочных высказываний с инвертированным знаком в русско- и немецкоязычных художественных диалогах в целом совпадают. Для исследуемого типа оценочных высказываний характерно в первую очередь использование формально позитивнооценочных высказываний, в которой объектом инвертированной оценки является адресат. Использование негативнооценочных высказываний нерефлексивного характера способно конституировать специфические ситуации псевдоконфликта.

2. Роль высказываний анализируемого типа в развитии речевого конфликта обусловлена, во-первых, адекватностью их интерпретации адресатом, а во-вторых, собственно семантико-прагматическими особенностями оценочного высказывания. Так, в случае использования нерефлексивных позитивнооценочных и рефлексивных негативнооценочных высказываний конфликт, как правило, развивается по модели продолжения или интенсификации. Использование нерефлексивных негативнооценочных и рефлексивных позитивнооценочных высказываний с инвертированным знаком, напротив, обычно приводит к нейтрализации конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Apeltauer, E. Elemente und Verlaufsformen von Streitgesprächen : eine Analyse von Texten und Tonbandprotokollen unter sprechhandlungstheoretischen Gesichtspunkten : Dissertation / E. Apeltauer. – Münster, 1978. – VII, 246 Bl.*

2. *Spiegel, C. Streit : eine linguistische Untersuchung verbaler Interaktionen in alltäglichen Zusammenhängen / C. Spiegel. – Tübingen : Narr, 1995. – 290 S.*
3. *Третьякова, В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт / В. С. Третьякова. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.*
4. *Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Белоус ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 48 с.*
5. *Мартысюк, Н. П. Стратегии речевого поведения как отражение гендерных социальных ролей (в ситуации конфликта) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. П. Мартысюк. – Минск, 2001. – 127 л.*
6. *Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 230 с.*
7. *Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.*
8. *Прокофьев, Г. Л. Ирония как прагматический элемент высказывания (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. Л. Прокофьев. – Киев, 1998. – 206 л.*
9. *Горностаева, А. А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. А. Горностаева. – М., 2013. – 264 л.*

The article aims explore the phenomenon of inverted evaluation in conflicts. Special attention is paid to the types of inverted evaluation represented in conflicts as well as its conflictogenic potential. The analysis allows drawing a conclusion that sentences with non-reflexive positive inverted evaluation and reflexive negative inverted evaluation escalate conflicts. By way of contrast, non-reflexive negative inverted evaluative utterances can neutralize discrepancy or constitute specific situations of pseudo-conflicts.

Поступила в редакцию 07.10.2019

Р. В. Лебедевич

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВЕРНУТОГО ВЕРБАЛЬНОГО ХЕЗИТАТИВА В ДИАЛОГАХ НА РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются структурные и семантические характеристики развернутых вербальных хезитативов на русском и испанском языке. В структуре развернутых вербальных хезитативов выделены основные и факультативные компоненты. В качестве основных компонентов рассматриваются глаголы речи и глагольные конструкции, а также лексические индикаторы затруднений. Описаны некоторые тенденции использования тех или иных компонентов при фиксации затруднений различного характера. Как факультативные элементы характеризуются речезыкетные компоненты, эмфатические частицы, прямые и косвенные дополнения, конкретизаторы.